

У СКАЗКИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ КРЫЛЬЯ

СПЕКТАКЛЬ Московского театра юного зрителя начался так: на сцену, изображавшую обыкновенную комнату, вышел совершенно обыкновенный молодой человек и сразу же предупредил зрителей, что он не братья Гримм, не Ганс Христиан Андерсен и не Шарль Перро, потому что у него совершенно другая фамилия. Тут же выяснилось, что он любит наблюдать за игрушками, лежа на тахте и притворяясь спящим.

Именно таким образом он поступил и на этот раз, и зрительный зал стал свидетелем удивительных превращений: оставаясь обыкновенным, письменный стол начал необыкновенно расти и наконец занял почти всю сцену. Вместе с ним чудовищно выросли и остальные находившиеся в комнате предметы. На их фоне понастоящему игрушечными казались фигуры актеров.

Все это было хорошо придумано автором пьесы В. Коростылевым, режиссером спектакля Е. Евдокимовым и художником В. Зайцевой; ведь стоило лишь чуть-чуть напрячь воображение, чтобы представить себе, что превращение совершилось не на сцене, а в зрительном зале, что каждый сидящий в нем такой маленький и может просто и естественно смешаться с толпой действующих лиц этой волшебной истории, называющейся «Кукла Надя и другие».

Мир игрушек, веселый и загадочный, не раз привлекал внимание писателей, давал им возможность рассказать о явлениях жизни ярко и необычно. Но чтобы в судьбах игрушек отразились судьбы людей, надо было научить их радоваться и страдать, любить и ненавидеть, как это делают люди; вложить в их души человеческие надежды и заботы, стремление к добру и готовность бороться со злом; вдохнуть в этот маленький мир дыхание большой и сложной жизни.

Сначала кажется, что именно так и поступил В. Коростылев; что, смешавшись с толпой героев придуманной им сказки, мы станем свидетелями не только волшебных, но и значительных событий. Однако чем ближе к концу, тем сильнее недоумение и досада: мир, в который нас заставили войти, примитивен и скучен, это мир маленьких чувств, коротких мыслей, где мелкое зло не вызывает ненависти, а такое же мелкое добро — сочувствия.

Суть всей истории сводится к следующему: в пустых тумбах стола живут игрушки и волшебница Пустота. Волшебница — злая, игрушки — тоже. Одна из них — Принцесса Я — почернела от зависти, когда узнала, что на противоположном конце комнаты, за ковром-морем, поселилась новая кукла Надя. С помощью Пустоты ее удастся испачкать. Другая — добрые игрушки — стараются ей помочь. Это ужасно трудно: надо прочесть рецепт, но читать никто не умеет — каждая кукла знает всего лишь одну букву. Наконец общими усилиями рецепт прочтен. Он содержит весьма уместный совет: «Умыться». Умытая кукла Надя снова кра-

сива и счастлива, а злые игрушки решают под занавес стать добрыми.

Куклы танцуют какое-то подобие канкана; думают, стоя вниз головой; с упоением поют лишние куплеты о том, что «мне учиться нету чем» (в переводе это должно означать — «я дурак»). Пустота тоже поет, но уже из «Фауста» и хохочет, как Мефистофель.

Было бы несправедливым утверждать, что не нужно никакой фантазии, чтобы придумать подобную сказку. Фантазия нужна, но у этой фантазии подрезаны крылья, поэтому она и бродит из угла в угол по комнате, блуждает между тумбами стола и ножками тахты, ступает по мягкому ковру и не в силах взлететь, вырваться из тесного мирка в мир настоящий, раскрыть гуманную, чистую душу сказки.

Когда-то человек рассказывал о ковре-самолете, сапогах-скороходах, а сам ездил по пыльным дорогам в тряской телеге. Перебивался с хлеба на квас и мечтал о скатерти-самобранке. Ковырял землю примитивной сохой и как равный с равным разговаривал со звездами и солнцем, ветрами и океан-морем. Он бесстрашно взбирался на небесный свод, спускался в морские пучины. Бесправный и притесняемый, он говорил о победе добра над злом, о торжестве справедливости. И этот смелый полет народной фантазии не был бесплодной мечтой о недоступном, не был стремлением скрасить трудную жизнь утешительным вымыслом. Это было великое прозрение, программа человеческого прогресса на десятки, сотни лет вперед. И, говоря теперь, что сказки становятся былью, мы отдаем дань уважения не только тем, кто так уверенно превращает в явь самые дерзкие мечты человечества, но и тем, кто умел так дерзко мечтать.

Традиции сказочного жанра — это большие традиции утверждения веры в человека, подлинного гуманизма, выхода на самые широкие просторы творческого постижения действительности. Когда об этих традициях забывают, появляются сказки, где фантазия жмется к земле, намеки на современность заменяют необходимость отразить хотя бы какие-то стороны жизни, поэзия оборачивается прозой, сказочная лукавинка — цинизмом, и за всем этим стоит формальное мастерство ведения интриги и полное равнодушие автора.

В спектакле есть несомненные актерские удачи: Л. Князева играет главную роль — Пузырька со свойственной ей искренностью, детски чистым романтическим порывом, мальчишеской угловатостью. Интересна деревянная кукла Онитаруб (артистка М. Архипова), этакий краснощекий здоровяк, самоуверенный, грубоватый, но преданный и старательный. Но и романтический взлет Пузырька, и скромная положительность Онитаруба теряются среди мелкого коварства Пустоты, двуличия Ять, страдающий куклы Нади из-за двух чернильных пятен, истеричности Принцессы Я. Чем-то ущербным веет от всего спектакля, в нем трудно дышится, несмотря на яркость и блеск костюмов, несмотря на игру света и красок.

...Молодой человек был прав, когда утверждал, что он не братья Гримм, не Ганс Христиан Андерсен и не Шарль Перро. У него, очевидно, действительно какая-то другая фамилия. Но, как однажды заметил сам В. Коростылев, «не в этом дело».

Дело в том, что сказка есть сказка. Ее нельзя унижать, у нее нельзя отнимать крылья.

Р. КРЕЧЕТОВА.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

12 декабря 1959 г. 3 стр.